

«ЭТО НЕ ГЕОЛОГИЯ, А ПОЛИТИКА»

О ТОМ, ЧТО СЛЕДУЕТ СЧИТАТЬ РОССИЙСКОЙ ЧАСТЬЮ АРКТИЧЕСКОГО ШЕЛЬФА И КАК НА МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЕ РЕГУЛИРУЕТСЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ СЕВЕРНОГО ЛЕДОВИТОГО ОКЕАНА, КОРРЕСПОНДЕНТУ ВG ИЛЬЕ АРЗУМАНОВУ РАССКАЗАЛ ВЛАДИМИР ЧУКОВ — ПОЧЕТНЫЙ ПОЛЯРНИК РОССИИ, ЧЛЕН АССОЦИАЦИИ РОССИЙСКИХ ПОЛЯРНИКОВ, РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА, ПРЕЗИДЕНТ ЭКСПЕДИЦИОННОГО ЦЕНТРА «АРКТИКА».

BUSINESS GUIDE: Что в географии принято считать шельфом?

ВЛАДИМИР ЧУКОВ: Стоит начать с того, что шельф — это часть подводной окраины материка, которая начинается от побережья и заканчивается там, где глубина резко начинает увеличиваться. Более точно шельфовая зона характеризуется тем, что у нее такая же геологическая структура, как и у береговой зоны.

У нас, как у страны, арктическая граница которой протянулась более чем на 12 тыс. км, шельфовые пространства огромные. Шельф по всей длине российского арктического побережья неоднороден. Глубина его на большинстве площади 100–300 м, но в некоторых случаях может достигать до 1 км, как, например, в Охотском море. Вот со стороны Баренцева и Печорского морей шельфовая зона достаточно мелководная и, главное, не закрывается надолго дрейфующими арктическими льдами: здесь вода открыта практически в течение всего года, так как это северная часть Гольфстрима. Баренцево море, от порта Мурманск и глубже на восток, практически не замерзает. Богатейшие запасы нефти у нас в Печорском море. Оно очень мелководное, льда там бывает немного. Поэтому на этих пространствах и ведутся основные работы по разведке, по подготовке к промышленному бурению. Еще восточнее территория шельфа представляет собой совершенно другую картину: она практически всегда покрыта дрейфующими льдами. Там, конечно, все гораздо сложнее.

BG: Как далеко российский шельф простирается вглубь океана? В начале XX века, когда делили Арктику, особенных международных притязаний не было, поэтому советские географы прямо по линиям долготы нарисовали треугольник — от крайних точек наших границ, западной и восточной, и до Северного полюса. Однако сейчас такой подход оспаривается другими странами...

В. Ч.: Этот треугольник, упирающийся в Северный полюс, нарисовал ЦИК в 1926 году, когда определял границы СССР. Треугольник был изображен на картах в наших учебниках географии, но никогда за все время своего существования не принимался международным сообществом. Стоит сказать, что мы в этом отношении не были первыми: к 1920-м годам свои треугольники уже нарисовали и скандинавы, и канадцы. Все они, и наш в том числе, юридической силы не имели: так просто территориальные вопросы никогда не решались. Значительно позже, в 1982 году, ООН была принята Конвенция по морскому праву, документ, который формализовал государственную принадлежность мирового арктического шельфа, на международном уровне законодательно определил права отдельных стран на освоение шельфа. Появилась так называемая экономическая зона — полоса шириной 200 морских миль от побережья и вглубь Северного Ледовитого океана в сторону Северного полюса. В рамках этой зоны каждая страна вправе осваивать шельф как угодно. Никаких притязаний на экономическую зону определенной страны со стороны зарубежных компаний быть не может.

НАШИ УЧЕНЫЕ ПОЛАГАЮТ, ЧТО АРХИПЕЛАГИ МОРЯ ЛАПТЕВЫХ И КАРСКОГО МОРЯ — ТАЙМЫР, СЕВЕРНАЯ И НОВАЯ ЗЕМЛЯ — ЯВЛЯЮТСЯ ПРОДОЛЖЕНИЕМ НАШЕГО КОНТИНЕНТА, КОТОРЫЙ ПОСТЕПЕННО Понижается по направлению к Северному полюсу, сохраняя свою геологическую структуру

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ РЕСУРС

ВЛАДИМИР ЧУКОВ:
«ДАЖЕ ЕСЛИ ПРАВА НА НЕКИЕ ТЕРРИТОРИИ ШЕЛЬФА ЗАКРЕПЛЯЮТСЯ, ЭТО ВО ВСЕ НЕ ЗНАЧИТ, ЧТО ЗАВТРА НА НИХ НАЧНЕТСЯ ДОБЫЧА»

Исследования должны быть закончены в течение года, к новому сроку подачи заявки в ООН. Эта работа очень скрупулезная, проводится в рамках комплексных научных программ, организованных на уровне правительства и финансируемых из нашего бюджета. Естественно, они не могут проводиться без участия нашего МИДа. И за решением комиссии ООН в большей степени стоит политика, несмотря на то что базируется все на данных, собираемых учеными.

BG: Получается, если территории за 200-мильной зоной не будут признаны российским шельфом, на них могут начать работу компании других государств?

В. Ч.: Когда речь заходит о добыче нефти на шельфовых территориях, надо все-таки понимать, насколько сложно осуществить этот процесс, когда платформа стоит в дрейфующих льдах, в неблагоприятных погодноклиматических условиях. Да, специалисты, которые занимаются разведкой и добычей, говорят, что готовы уже сегодня начинать добычу нефти и газа на шельфе — даже в таких зонах, где все водное пространство по полгода сковывают льды. Но что бы они ни говорили, на сегодняшний день в мире не существует безопасной технологии добычи нефти в условиях арктического шельфа. Нет технологии, обеспечивающей безопасность, предотвращение последствий разливов нефти в этих условиях. Это очень серьезная проблема. У нас нет технологии, позволяющей ликвидировать масштабный разлив в ледовых условиях. И в данном случае говорят «у нас нет», мы говорим не об одной России, но обо всем мире. Эту проблему надо решать сообща, на международном уровне, в тесном сотрудничестве. Наиболее продвинутое в технологическом плане нефтяные компании должны понимать, что для того, чтобы развиваться дальше, они должны найти решение, которое было бы приемлемым с точки зрения экологической безопасности. Потому что, если в Арктике произойдет катастрофа такого же масштаба, как в Мексиканском заливе, нефть человечеству может уже не понадобиться.

BG: То есть прежде, чем делить шельф, передовые нефтяные компании должны объединить усилия для развития безопасных технологий добычи на нем?

В. Ч.: Кому какая часть шельфа будет принадлежать — это дело политиков, а не нефтяников, это совершенно другой вопрос. Даже если права на некие территории шельфа закрепляются, это вовсе не значит, что завтра на них начнется добыча. К примеру, вот вы говорили про треугольник до полюса. У полюса глубина 4 км. Нет таких технологий, чтобы можно было бурить, добывать, а уж тем более транспортировать нефть с таких глубин, в таких условиях, где толщина льда измеряется метрами. Это далекое будущее — может, к этому времени уже найдутся альтернативные источники энергии, а не нефть и газ. Поэтому делить шельф можно как угодно, а приступать к добыче на нем имеет смысл только после тщательной проработки всех до сих пор не решенных вопросов с технологиями и экологической безопасностью. ■

BG: Могут интересы государства простирается дальше 200 миль экономической зоны?

В. Ч.: Экономическую зону можно расширять. Для этого отдельной стране необходимо юридически закрепить за собой приоритетное право на освоение интересующего ее участка. ООН в рамках Конвенции по морскому праву к тому же 1982 году была выработана специальная процедура. Каждое государство, имеющее арктическое побережье, может подать заявку в комиссию ООН по границам континентального шельфа о том, что ему должна принадлежать та или иная территория шельфа, находящаяся дальше 200 морских миль от побережья. Эта заявка комиссией ООН будет рассматриваться, будет проведена специальная экспертиза. Это очень длительная процедура, причем, понятно, это не геология, а политика в большей степени. С 1982 года началась своего рода распиленная деятельность. Опять же не Россия начала первой претендовать на обоснование принадлежности шельфовых территорий: первые заявки были поданы Норвегией. Однако сейчас у нас этот вопрос один из ключевых и очень важных, поэтому этой теме сейчас придается очень большое значение. Идут масштабные экспедиционные работы по изучению шельфа и составлению документов, которые подаются в комиссию ООН по границам континентального шельфа.

BG: Как Россия обосновывает свои притязания? Существуют ли конкретные критерии, по которым комиссия ООН определяет, удовлетворить заявку или нет?

В. Ч.: Сейчас речь идет о том, что подводная часть Северного Ледовитого океана, начинающаяся от нашей береговой черты в районе Карского моря и моря Лаптевых, по мнению наших специалистов-геологов, является продолжением нашего шельфа, имеет единое с ним геологическое строение. Геологическое строение — это как раз тот критерий, по которому можно определить, является ли определенная территория шельфом или просто дном океана. Есть множество научных критериев, по которым можно оценить, где заканчивается шельф, а где уже начинается глубинная твердая горная порода. Так вот сейчас мы ведем исследования, в Карское море и море Лаптевых ходят научно-исследовательские суда, проводится целый комплекс процедур, направленных на изучение донной поверхности шельфового пространства, для того чтобы понять, является ли оно продолжением континентальной геологической структуры. Наши ученые полагают, что архипелаги моря Лаптевых и Карского моря — Таймыр, Северная и Новая Земля — являются продолжением нашего континента, который постепенно понижается по направлению к Северному полюсу, сохраняя свою геологическую структуру. Если исследования это подтвердят, это и будет доказательством того, что под Карским морем и морем Лаптевых пролегает шельф. А если мы доказываем, что это шельф, то эти территории должны быть приняты ООН как продолжение российского арктического шельфа. В результате чего мы получим возможность вести там хозяйственную деятельность.

BG: Получается, урегулирование вопросов принадлежности шельфовых зон базируется исключительно на геологических изысканиях, проводимых учеными?

В. Ч.: Конечно, комиссия ООН в первую очередь изучает научные данные, собранные в ходе экспедиционных работ. Россия один раз уже такую заявку подавала, ее рассмотрели, сказали, что данных, доказывающих единство шельфа с нашей береговой структурой, собрано недостаточно. И вот сейчас уже около двух лет продолжают исследовательские работы в море Лаптевых, Карском, Восточно-Сибирском морях и дальше на восток.